
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL LAW MEASURES OF CRIME COUNTERACTING

УДК 343.3/.7

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(5).723-734

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВАМ (ПРЕСТУПНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ) И ЛИДЕРАМ КРИМИНАЛЬНОЙ СРЕДЫ: ДЕСТРУКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПОИСК НОВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Т.В. Якушева

Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

25 декабря 2019 г.

Дата принятия в печать

30 октября 2020 г.

Дата онлайн-размещения

20 ноября 2020 г.

Ключевые слова

Преступное сообщество (преступная организация); законодательная инициатива; нарушение принципа правового равенства; вор в законе; занятие высшего положения; преступная иерархия

Аннотация. Уголовно-правовая политика России обязана следовать общегосударственному политическому курсу, что предполагает ее продуманность, стабильность и соответствие основным постулатам, провозглашенным Конституцией РФ как учредительным документом государства. Ситуативность законодательного подхода при использовании таких средств реализации уголовной политики, как криминализация и декриминализация деяний, недопустима, приводит к десистематизации уголовного законодательства и трудностям правоприменения. Особую опасность создает непродуманное и не обусловленное объективными потребностями вмешательство в выбор средств уголовно-правового воздействия на организованную преступность. Автором проанализированы ошибки, допущенные законодателем при формулировании и модернизации норм, призванных противодействовать преступным сообществам (преступным организациям) как высшей форме проявления организованной преступности, а также лицам, организующим их и руководящим ими. Обращено внимание на негативную тенденцию необоснованного усиления уголовной репрессии, задевающей не свойственного уголовно-правовому регулированию терминологического инструментария, непродуманной реализации законодательных инициатив в части сужения действия ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сделаны выводы о допущенном нарушении принципа справедливости, расшатывании судебно-следственной практики, создании угрозы объективного вменения и неконституционности предлагаемых субъектом законодательной инициативы ограничений действия ст. 210 УК РФ с учетом судьбы нормы об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Исходя из проведенного анализа уголовно-правовых норм о преступном сообществе (преступной организации) как форме соучастия и как самостоятельном составе преступления, судебной практики, статистических показателей, зарубежного опыта, имеющихся точек зрения ряда исследователей и с учетом занятой автором правовой позиции сформулированы предложения в рамках концептуально нового подхода к модернизации уголовного законодательства в исследуемой сфере.

COUNTERACTING CRIMINAL COMMUNITIES (CRIMINAL ORGANIZATIONS) AND LEADERS OF THE CRIMINAL WORLD: DESTRUCTIVE TRENDS, A SEARCH FOR NEW LEGISLATIVE SOLUTIONS

Tatyana V. Yakusheva

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, the Russian Federation

Article info

Received

2019 December 25

Accepted

2020 October 30

Available online

2020 November 20

Abstract. The criminal law policy of Russia should follow the general national political course and, thus, be well-considered, stable and corresponding to key postulates declared in the Constitution of the Russian Federation as the charter document of the state. The situational character of the legislative approach in using such means of implementing criminal policy as the criminalization and de-criminalization of actions is unacceptable; it leads to the de-systematization of legislation and difficulties in law enforcement. The interference in the choice of means of criminal law impact on organized crime poses a special danger when it is ill-conceived and not based on objective needs. The author analyses mistakes made by lawmakers in the process

Keywords

Criminal community (criminal organization); legislative initiative; violation of the principle of legal equality; criminal leader; occupation of a higher position; criminal hierarchy

of formulating and upgrading norms aimed at counteracting criminal communities (criminal organizations) as the highest forms of organized crime, as well as persons who organize and manage them. The author also draws attention to the negative trends of unsubstantiated toughening of criminal repressions, of using terminological instruments not characteristic of criminal law regulation, and poorly conceived implementation of legislative initiatives for narrowing the scope of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that the principle of justice has been violated, the judicial-investigation system has been undermined, and there is a threat of strict liability and unconstitutionality in the proposed legislative initiative of limiting the scope of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, if the fate of the norm of liability for business fraud is taken into consideration. Based on the conducted analysis of criminal law norms on criminal community (criminal organization) as a form of complicity and as an independent crime, court practice, statistical indices, international experience, existing opinions of a number of scholars and personal legal position, the author formulates suggestions within a conceptually new approach to modernizing criminal legislation in the analyzed sphere.

Криминологи и специалисты в области уголовного права констатируют кризисные явления в уголовно-правовой политике России. Ими отмечается, что активное либеральное реформаторство Уголовного кодекса РФ, проводимое под лозунгами гуманизации уголовного законодательства, его совершенствования и необходимости имплементации норм международного права, приводит к утрате Кодексом важнейших черт стабильности и согласованности [1, с. 157]. В ряде случаев вмешательство субъектов законодательной инициативы оценивается как непродуманное, научно не обоснованное, вызванное «уголовно-правовыми амбициями» и лишь усугубляющее десистематизацию действующего уголовного законодательства [2, с. 472, 476]. Подчеркивается, что хаотичный характер вносимых изменений влечет многочисленные пробелы и противоречия в правовом регулировании, дестабилизирует практических работников, которые «не успевают следить за бесконечными новациями» [3, с. 71].

Отмеченные недочеты, допущенные при модернизации действующего УК РФ, не могли не отразиться на качестве юридической техники при конструировании и переработке уголовно-правовых норм, предназначенных противостоять вызовам со стороны преступных объединений и лиц, формирующих криминальную среду. В 2019 г. после десятилетнего перерыва вступили в активную фазу законотворческие процессы, направленные на повышение эффективности борьбы с высшей формой проявления организованной преступности — преступными сообществами (преступными организациями) и криминальными авторитетами, «элитой» преступного мира.

События этого года наглядно продемонстрировали неудовлетворенность положениями

ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» как государственных властных структур и непосредственно высшего органа исполнительной власти в лице Президента РФ, так и различных институтов гражданского общества.

Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ взял курс на усиление уголовной репрессии. Мотивировка такого решения содержалась в пояснительной записке к президентскому законопроекту: «Наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными преступными сообществами. Лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность. Однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности»¹.

С принятием указанного федерального закона санкции ст. 210 УК РФ были ужесточены; норма об участии в собрании представителей рассматриваемых преступных объединений выделена в самостоятельную часть; факт занятия

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : поясн. записка к законопроекту № 645492-7. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>.

лицом высшего положения в преступной иерархии подвергнут криминализации в качестве самостоятельного состава преступления (ст. 210.1 УК РФ). Однако в созданные юридические конструкции не вошли нормативные дефиниции задействованных в них оценочных понятий при всей спорности их жанровой адаптированности к сфере уголовно-правового регулирования².

В ходе состоявшейся в июле прямой линии президент РФ высказал мнение о необходимости внесения изменений в действующий закон, поскольку недопустимо, что «под преступное сообщество можно подвести совет директоров любой корпорации, где один из членов замешан в нарушениях закона»³, а в конце ноября обсудил с чиновниками отмену ст. 210 наряду со ст. 193 и 193.1 УК РФ [4]. Бизнес-омбудсмен Б. Титов предложил блокировать действие ст. 210 УК РФ применительно к лицам, привлекаемым за преступления в сфере экономической деятельности [5]. Депутат нижней палаты парламента Р. Шайхутдинов выступил в качестве субъекта права законодательной инициативы с законопроектом об исключении действия указанной статьи на случаи совершения преступлений, предусмотренных ст. 159–160, 165, 171–183, 185–185.6, 193, 193.1, 194–201 УК РФ⁴.

Необходимость реформирования ст. 210 УК РФ продолжает активно обсуждаться общественными группами и профессиональными сообществами при поддержке органов государственной власти и правопорядка⁵.

² Между тем, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной им в постановлении «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» от 27 мая 2008 г. № 8-П, уголовная ответственность является законно установленной и отвечающей требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ «лишь при условии, что... уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, ограничивая его от иных противоправных и тем более — от законных деяний».

³ Путин нашел в статье о преступном сообществе недостатки // Телеканал РБК. 2019. 20 июня. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d0b73ab9a7947373d513774>.

⁴ О внесении изменений в статью 210 Уголовного кодекса Российской Федерации : законопроект № 801670-7. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>.

⁵ В частности, 24 июля 2019 г. предложения по корректировке регулирования уголовной ответственности за создание преступного сообщества и участие в

Таким образом, по итогам 2019 г. усилилась карательная составляющая проводимой государством уголовной политики по противодействию организованной преступности; идентификация лиц как субъектов преступлений, предусмотренных ст. 210, 210.1 УК РФ, еще более усложнилась; идея о необходимости сужения действия ст. 210 УК РФ по кругу лиц обрела форму законодательной инициативы⁶.

Описанные тенденции следует рассматривать как не в полной мере соответствующие принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), дестабилизирующие судебную практику, создающие опасность объективного вменения и угрозу нарушения конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ).

Прежде всего обоснованность ужесточения уголовной ответственности за организационные действия в случае со ст. 210 УК РФ с точки зрения соблюдения принципа справедливости и решения задач уголовного законодательства представляется небесспорной. Как известно, понятие «преступное сообщество (преступная организация)» в УК РФ имеет двойственную природу и, помимо ст. 210 Особенной части УК РФ, задействовано в Общей части Кодекса (ч. 4 ст. 35) в качестве самостоятельной формы соучастия. Практикуемое одновременное вменение виновному двух разных форм соучастия (преступного сообщества (преступной организации) в ст. 210 УК РФ и организованной группы как квалифицирующего признака преступлений, совершенных лицом в составе указанного объединения) создает двойной учет разных форм организованности, каждая из которых влияет на размер наказания в

нем обсуждались на расширенном заседании рабочей группы Московского отделения Ассоциации юристов России. 1 октября 2019 г. в Университете прокуратуры РФ состоялась научно-практическая конференция «Практика применения ст. 210 УК РФ по уголовным делам в отношении предпринимателей» с участием заместителя генерального прокурора РФ и депутата Государственной Думы.

⁶ Сфера предпринимательской деятельности устанавливается путем выявления статуса виновного лица. Вне зависимости от законодательной формулировки изъятия из общего уголовно-правового запрета на организацию преступного сообщества или участие в нем (будет ли это перечень составов преступлений либо указание на их экономическую направленность) блокирование действия ст. 210 УК РФ в сфере предпринимательской деятельности означает создание привилегированного (в уголовно-правовом смысле) класса субъектов этой деятельности.

сторону его увеличения. Организованность учитывается трижды, если в качестве структурного подразделения преступного сообщества (преступной организации) выступает банда (ст. 209 УК РФ). Примечательно, что Пленум Верховного Суда РФ поддержал такой квалификационный подход и распространил его на все формы соучастия, указав в п. 16 своего постановления «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» от 10 июня 2010 г. № 12: «Если состав совершенного преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, действия лица подлежат квалификации по части 2 статьи 210 УК РФ и соответствующей части (пункту) статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а при его отсутствии — по признаку «группой лиц».

Нарушающим принцип справедливости видится и решение законодателя об исключении из диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ указания на самостоятельность организованных групп при совершении виновным действий по их координации, созданию между ними устойчивых связей, разработке планов и созданию условий для совершения преступлений, разделу сфер преступного влияния и (или) преступных доходов. Теперь указанные действия могут совершаться как в рамках одного преступного сообщества (преступной организации), где организованные группы выступают в качестве внутривидовых подразделений, так и в отношении организованных групп, входящих в состав различных преступных сообществ (преступных организаций) либо действующих самостоятельно. Вызывает возражение увеличение объема вменения (что влияет на размер наказания, назначаемого виновному лицу) в ситуации, когда руководителем преступного сообщества (преступной организации) координируются действия организованных групп, структурно входящих в его состав. Получается, что виновному лицу должны инкриминироваться сразу два деяния, альтернативно предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ: руководство преступным сообществом (преступной организацией) и координация действий организованных групп. Думается, что тем самым организационная деятельность руководителя такого преступного сообщества (преступной организации) учитывается дважды, хотя содер-

жание любой деятельности по руководству преступным сообществом (преступной организацией) включает в себя координационные и иные действия в отношении структурно входящих в его (ее) состав организованных групп. В случае же осуществления лицом координационных и иных подобных (из числа перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ) действий применительно к *самостоятельно действующим* организованным группам вменять эти действия, разумеется, будут уже без совокупности с действиями по руководству преступным сообществом (преступной организацией).

Судебная статистика по ст. 210 УК РФ при высоких показателях числа выявленных преступлений и лиц, их совершивших, всегда демонстрировала стабильно низкие показатели количества вынесенных (а тем более устоявшихся) приговоров и осужденных лиц⁷. Например, в 2018 г. число таких лиц составило лишь 13,9 % от числа выявленных. Опасения правозащитников по поводу того, что введение в УПК РФ института досудебного соглашения о сотрудничестве воспрепятствует справедливому рассмотрению дел в отношении соучастников преступления, не заключивших сделку с правосудием, не оправдались. В настоящее время значительная часть обвинительных приговоров по ст. 210 УК РФ, постановленных в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ, отменяется кассационной инстанцией ввиду отсутствия в деянии состава преступления. Основанием для отмены приговоров служит факт оправдания соучастников осужденного лица иным судебным решением, поскольку «в двух судебных решениях, касающихся одних и тех же фактических обстоятельств, содержатся противоположные выводы относительно создания преступного сообщества... и участия в нем других осужденных»⁸. При вынесении оправдательных

⁷ По официальным данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2018 г. по ст. 210 УК РФ зарегистрировано 274 преступления (в 2017 г. — 198, в 2016 г. — 252, в 2015 г. — 285, в 2014 г. — 255). Число выявленных лиц, совершивших данное преступление, составило 1 070 (в 2017 г. — 919, в 2016 г. — 909, в 2015 г. — 901, в 2014 г. — 789). Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2018 г. по ст. 210 УК РФ осуждено 149 лиц (в 2017 г. — 156, в 2016 г. — 166, в 2015 г. — 219, в 2014 г. — 165).

⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 октября 2016 г. по делу № 58-УД16-8. URL: <http://www.zakonrf.info>.

приговоров по ст. 210 УК РФ суд часто мотивирует принимаемые решения недостаточной степенью организации и устойчивости объединения; отсутствием в нем структурных подразделений, конспирации, иерархии подчинения, общей кассы; недостаточностью доказательств объединения организованных групп в единую организацию.

Такое положение дел до последнего времени не создавало особых проблем для правоохранительных органов, поскольку при оправдании лиц по ст. 210 УК РФ вышестоящий суд соглашался с квалификационной оценкой совершенных ими преступлений в составе организованной группы, что в силу разъяснений Верховного Суда РФ не влекло права на реабилитацию⁹.

Ситуация изменилась с введением в УК РФ ст. 210.1. Занятие высшего положения в преступной иерархии не предполагает совершения лицом действий по созданию преступного сообщества (преступной организации) или руководству им (ею), иначе такое деяние должно квалифицироваться по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Понятно, что совокупность этих двух преступлений, допустимость которой еще только обсуждается в доктрине [6, с. 474], станет явлением редким, если не исключительным. В отсутствие же ст. 210 УК РФ к ст. 210.1 не прилагается совокупность преступлений, совершенных в составе преступного сообщества (преступной организации), поскольку здесь и объединения-то никакого нет, речь идет о занятии лицом главенствующего положения в абстрактно трактуемой модели стратификации криминального мира. Следовательно, риск для правоохранительных органов получить оправдательный приговор в случае со ст. 210.1 УК РФ становится максимально высоким, возможно, даже неоправданно высоким с учетом отсутствия в диспозиции этой статьи формализованных критериев и каких-либо разъяснений на этот счет высшей судебной инстанции, а так-

же перспективы безусловного возникновения у лица права на реабилитацию. Понятно, что и органы прокуратуры станут очень осторожно подходить к утверждению обвинительных заключений по данной категории уголовных дел, а суды — к вынесению по ним обвинительных приговоров с риском получить их отмену в вышестоящей инстанции, что в целом не будет способствовать стабилизации судебной практики. Между тем уже имеются прецеденты в виде возбужденных по ст. 210.1 УК РФ уголовных дел в отношении так называемых воров в законе с заключением последних под стражу¹⁰.

Имплицитным фактором дестабилизации практики применения ст. 210 УК РФ выступают инициативы 2019 г. по нераспространению ее действия на сферу функционирования бизнес-сообществ, хотя на продвижение организованной преступности в сторону легитимности и бизнеса, как и на уязвимость экономической деятельности для проникновения преступных организаций, неоднократно указывалось в юридической литературе [7–10]. Согласно информации в СМИ, по поручению Президента РФ разработан новый законопроект, в котором предусмотрено исключение применения ст. 210 УК РФ к директорам и сотрудникам, осуществляющим экономическую и прочую деятельность, не имеющую отношения к деятельности анти-социальной, а также закреплено, что организационная структура юридического лица сама по себе не может выступать в качестве доказательства наличия структуры преступного сообщества (преступной организации)¹¹. Альтернативный проект модернизации ст. 210 УК РФ предложен и в юридической доктрине [11]. Ввиду наличия перспективы законодательных изменений складывающаяся в правоохранительной системе ситуация может быть сведена к принятию

⁹ В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» от 29 ноября 2011 г. № 17, поскольку сам факт оправдания подсудимых по ст. 210 УК РФ изменяет лишь степень организованности соучастников в совершении ими тяжких преступлений в составе организованной группы, а переход от одной формы соучастия к другой не может являться реабилитирующим основанием, право на реабилитацию у последних не возникает.

¹⁰ 25 мая 2019 г. СЧ СУ УМВД России по Томской области возбуждено уголовное дело по ст. 210.1 УК РФ в отношении жителя г. Томска, имеющего статус вора в законе и сферу своего преступного влияния на территории Томской области (см.: URL: <https://70.mvd.rf/news/item/17042654>). 5 июля 2019 г. такое же процессуальное решение принято СУ ГУ МВД России по Московской области в отношении лидера криминальной среды, известного под псевдонимом «Бончо» (см.: URL: <https://мвд.рф/news/item/17488303?year=2020&month=3&day=6>).

¹¹ Верховный Суд готовит новые разъяснения по преступлениям в сфере предпринимательства. URL: https://zakon.ru/blog/2019/12/18/verhovnyj_sud_gotovit_novye_razyasneniya_po_prestupleniyam_v_sfere_predprinimatelstva_81276.

следственными органами и судами упреждающих мер по недопущению в последующем прекращения уголовных дел в части ст. 210 УК РФ. В процессуальном плане такие меры могут заключаться в торможении решений о возбуждении уголовных дел по ст. 210 УК РФ либо их отмене в двух случаях. В первом — если преступная деятельность криминального объединения имела экономическую направленность, и во втором — если преступления совершались в сфере предпринимательской деятельности и/либо в качестве одного из соучастников выступал руководитель или член органа управления коммерческой организации.

Между тем обсуждаемые законодательные поправки, уже сейчас создавшие необоснованные преимущества для субъектов предпринимательской деятельности, в случае их принятия грубо нарушат конституционный принцип равенства граждан перед законом и судом, как это уже случалось при принятии ст. 159.4 УК РФ до блокирования ее действия Конституционным Судом РФ. Довод, что законодатель изначально не планировал распространить действие ст. 210 УК РФ на совершающих беловоротничковые преступления лиц, опровергается тем, что преступное сообщество (преступная организация) сразу было закреплено в ч. 4 ст. 35 Общей части УК РФ как одна из форм соучастия. В качестве таковой оно имеет универсальный характер и распространяется при наличии необходимых признаков на любой из составов преступлений (категории тяжких и особо тяжких), регламентированных Особенной частью Кодекса. Едва ли оправдан и часто используемый аргумент о подмене правоприменителем организационной структуры преступного сообщества (преступной организации) организационной структурой бизнеса. В ряде случаев структура преступного объединения не совпадает с внутренней структурой юридического лица, поскольку отдельные функциональные задачи такого объединения выполняются соучастниками, не входящими в число штатных сотрудников. При вовлечении же в состав преступного сообщества (преступной организации) исключительно наемного персонала подконтрольного юридического лица или холдинга квалификация по ст. 210 УК РФ при соблюдении ряда условий все же представляется вполне обоснованной. Персонал должен быть осведомлен о противоправном характере осуществляемой им в рамках трудовых отношений деятельности, осознавать свою принад-

лежность к созданному на базе юридического лица преступному сообществу (преступной организации), преследовать общую цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений (преступления) для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (в том числе заработной платы, выдача которой обусловлена выполнением сотрудником отдельных действий в рамках общего преступного плана). В любом случае квалификация организационных действий криминального цикла не должна зависеть от места и способов вербовки соучастников. Более того, вовлечение работодателем в преступное объединение с использованием своего авторитета персонала, зависимо от него материально, не только не исключает общественную опасность содеянного, но даже повышает ее.

Конкретизируя ранее выдвинутый тезис о создании угрозы объективного вменения, следует уточнить, что речь идет о ст. 210.1 УК РФ, в которой криминализовано занятие высшего положения в преступной иерархии. Критическому анализу и осмыслению содержания новой нормы в юридической литературе уделено значительное внимание [6; 12–16].

В первую очередь обращает на себя внимание сама формулировка диспозиции ст. 210.1 УК РФ, которая лишь воспроизводит наименование статьи и не содержит ни одного имеющего формальную определенность признака. Термины «занятие», «высшее положение», «преступная иерархия» не имеют нормативных дефиниций, уяснение их содержания затруднено, что уже продемонстрировал десятилетний опыт применения тождественного квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ¹².

Слово «занятие», образованное от глагола несовершенного вида, вызывает вопросы, касающиеся момента окончания преступления: подразумевается ли под ним начало процесса по обретению высшего положения в преступной иерархии или его результат? Представляется, речь все же идет о моменте достижения такого положения, а незавершенные попытки его получения следует рассматривать как покушение на данное преступление, состав которого сконструирован по типу усеченного. Однако на этом вопросы о моменте окончания преступления не

¹² Вступил в законную силу лишь один приговор по ч. 4 ст. 210 УК РФ, вынесенный Алтайским краевым судом в апреле 2017 г. вору в законе Мамуке Чкадуа (см.: Московский комсомолец. 2017. 10 мая).

заканчиваются. Непонятно, что является основанием уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ — собственно факт обретения лицом криминального статуса либо последующее совершение его носителем умышленных действий (хотя бы одного), подтверждающих наличие такового¹³. Более обоснованным видится второй подход, поскольку первый вступает в противоречие с положениями ч. 1 ст. 14 УК РФ.

Значение термина «преступная иерархия», обозначающего властную вертикаль криминально ориентированных лиц, вполне доступно для понимания. Сложность заключается в его криминологическом происхождении, не вполне пригодном для сферы уголовно-правового регулирования.

Словосочетание «высшее положение» применительно к преступной иерархии требует поиска оптимальных критериев для его отграничения от положения, являющегося в криминальном мире просто высоким. Здесь нужны более универсальные подходы, чем расстановка по иерархической лестнице центральных фигур «воровского общака» (так называемых воров в законе, смотрящих, положенцев и др.), ибо только его членами круг возможных субъектов ст. 210.1 УК РФ не ограничивается. Надо полагать, законодателем подразумевается лидерство криминальных позиций лица во властной вертикали криминального (а не только воровского) мира в целом, т.е. наделение его носящими публичный характер полномочиями по принятию основополагающих решений, затрагивающих интересы либо определяющих вектор деятельности криминально ориентированных лиц.

Неверным будет суждение, что высшее положение в преступной иерархии ввиду использования в законе превосходной степени прилагательного «высокий» в масштабах страны может занимать лишь один или несколько человек. Думается, такое мнение не выявляет

волю законодателя. К криминологическим условиям криминализации деяния относится его относительная распространенность, поскольку акт поведения лица должен иметь прецедентный характер, а норма, предусматривающая уголовную ответственность за соответствующее деяние, быть рассчитана на неоднократное ее применение, так как единичные факты криминализации не подлежат. Поэтому представляется обоснованным сводить объем полномочий лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, к его главенствующей роли на определенной территории или в конкретной сфере преступной деятельности.

Таким образом, на сегодняшний день практика противодействия уголовно-правовыми средствами преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды затруднена из-за имеющихся недостатков законодательной регламентации ст. 210, 210.1 УК РФ, и есть основания полагать, что существующие кризисные тенденции в будущем не только не исчезнут, но и будут нарастать.

Как видится, глубинные причины разворачивающейся сегодня негативной ситуации кроются в изначальных юридико-технических ошибках, совершенных законодателем при создании нормы о преступном сообществе (преступной организации) в УК РФ 1996 г. Сама формулировка дефиниции «преступное сообщество (преступная организация)» в ч. 4 ст. 35 УК РФ, распространяемой и на ст. 210 УК РФ, с момента ее закрепления в уголовном законодательстве и по сей день является производной от формулировки смежной формы соучастия — «организованная группа». Такой законодательный прием существенно снижает эффективность правоприменения из-за ошибок в квалификации ввиду отсутствия четких критериев разграничения двух самостоятельных форм соучастия, одна из которых в Особенной части УК РФ задействована как квалифицирующий признак, вторая — как отдельный состав преступления.

Первоначально преступное сообщество (преступная организация), задуманное как особая разновидность организованной группы или объединения таких групп, обладало двумя отличительными свойствами, дополняющими общие с организованной группой признаки, — сплоченностью и специальной целью. Однако сугубо оценочный характер признака сплоченности оказался трудноотделим от схожего оценочного признака устойчивости у организованной груп-

¹³ В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. по делу № 51-АПУ18-4 содержится следующая мотивировка квалификации действий М.А. Чкадуа по ч. 4 ст. 210 УК РФ: «...Чкадуа занимал высшее положение в преступной иерархии, будучи так называемым «вором в законе», и выполнял в ней функции, которые судом признаны доказанными: осуществление организационных и управленческих функций в отношении преступного сообщества и его участников; подбор и вербовка руководителей входящих в его состав структурных подразделений, а также контроль за их действиями; планирование и координация деятельности преступной организации и т.д.»

пы, а цели у обоих объединений (совершение преступлений у организованной группы и совершение тяжких и особо тяжких преступлений у преступного сообщества (преступной организации)) оказались не взаимоисключающими, что помешало им выступить как действенные разграничительные критерии. Предусмотренная же в ч. 1 ст. 210 УК РФ своеобразная криминальная коллаборация — «создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений» — отсутствовала в ч. 4 ст. 35 УК РФ и противоречила ее положениям.

Вектор последующего развития положений ч. 4 ст. 35, ст. 210 УК РФ, избранный при принятии Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ, был нацелен на лидеров преступной среды, которые осуществляют руководство противоправной деятельностью, используют свое влияние на участников организованных групп, не совершая лично каких-либо преступлений¹⁴.

В результате законодательных изменений ч. 4 ст. 35 УК РФ признак сплоченности преступного сообщества (преступной организации) трансформировался в признак структурированности, а цель его (ее) деятельности получила уточнение путем указания на извлечение финансовой или иной материальной выгоды. Диспозиция ч. 1 ст. 210 УК РФ пополнилась внушительным перечнем альтернативных действий, а сама норма была наделена особо квалифицирующим признаком, предусматривающим совершение преступления лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Спустя десятилетие результаты правоприменения при некоторой стабилизации судебно-следственной практики, тем не менее, продолжают демонстрировать неустраненные дефекты законодательного подхода. Сегодня следственные органы и суды, так и не получив действенных критериев отграничения преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы, в качестве аргумен-

та для подкрепления квалификации по ст. 210 УК РФ вынуждены задействовать в мотивировочной части принимаемых решений потерявший свое юридическое значение термин «сплоченность»¹⁵, что характерно и для Верховного Суда РФ¹⁶.

Оценочный признак структурированности получил конкретизацию в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10 июня 2010 г. № 12 (п. 3–4). Данное Пленумом толкование еще раз продемонстрировало уникальный в силу общеобязательности характер подобных разъяснений, нарушение которых служит основанием для отмены судебного решения как незаконного¹⁷ [17, с. 44]. Однако трактуется признак структурированности по-прежнему неоднозначно, что влечет оправдательные приговоры по ст. 210 УК РФ¹⁸. При указании на необходимость наличия в рассматриваемом объединении территориально и/или функционально обособленных структурных подразделений Пленумом Верховного Суда РФ критерии такой обособленности не выделены. Это вызывает затруднения, связанные с нерешенностью вопросов о возможной взаимозаменяемости участников разных структурных подразделений и минимально допустимой географической удаленности территориально обособленных подразделений друг от друга [18, с. 94–95].

Дополнившие в 2009 г. диспозицию ч. 1 ст. 210 УК РФ альтернативные действия по координации преступных действий; созданию устойчивых связей между различными самостоятель-

¹⁵ Ранее на данное обстоятельство обращалось внимание В.А. Поповым.

¹⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 11-О13-25 ; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 февраля 2015 г. № 4-АПУ15-1 ; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2017 г. № 10-АПУ17-4. URL: <http://www.consultant.ru>.

¹⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда от 26 июня 2019 г. в отношении Кульпина, Абрамова, Болдырева и др. // Архив Хабаровского краевого суда. 2019. Дело № 22-1211/2019.

¹⁸ Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 26 октября 2015 г. № 1-1/2015 ; Приговор Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20 декабря 2017 г. № 1-19/2017. URL: <https://sudact.ru>.

¹⁴ К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» : поясн. записка. URL: <http://www.consultant.ru>.

но действующими организованными группами; разработке планов и созданию условий для совершения преступлений такими группами или разделу сфер преступного влияния и преступных доходов между ними; участию в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп задумывались с целью привлечения к уголовной ответственности руководителей преступных сообществ (преступных организаций), не совершающих преступлений лично. Однако эти новеллы оказались не востребованы и не поняты правоприменителем. Их задействию препятствовала необходимость доказывания функционирования подконтрольных субъекту преступления «самостоятельно действующих организованных групп». Поэтому практика пошла по иному пути, инкриминируя такие действия руководителям преступных сообществ (преступных организаций) и их структурных подразделений в связи с осуществлением ими организационно-распорядительной деятельности в отношении организованных групп, входящих в состав единого преступного сообщества (преступной организации), что искажало первоначальный замысел законодателя¹⁹.

О сложностях применения ч. 4 ст. 210 УК РФ уже говорилось ранее.

Таким образом, назрела необходимость в пересмотре ключевых положений отечественного уголовного законодательства по противодействию лидерам преступной среды и преступным сообществам (преступным организациям).

Следует поддержать рекомендацию «присмотреться к опыту грузинского законодателя и обратить внимание на категорию «вор в законе» [8]. Практика применения ст. 223.1 УК Грузии «Принадлежность к воровскому миру, вор в законе» соответствует международным стандартам по соблюдению прав и свобод человека и гражданина, что подтверждено решением Европейского суда по правам человека от 15 июля 2014 г. по делу «Ашларба против Грузии» (жалоба № 5554/08). Суд учел, что криминологические концепции «воровской мир» и «вор в законе» общеизвестны, а придаваемое им уголовно-правовое значение разъяснено в Законе Грузии «Об организованной преступности и рэкете» от 20 декабря 2005 г. № 2355.

¹⁹ Дело № 2-51/11 // Архив Хабаровского краевого суда. 2011 ; Дело № 2-83/13 // Архив Санкт-Петербургского городского суда. 2013.

Эффективность грузинского опыта (привлечено к ответственности около 50 воров в законе) привела к тому, что в декабре 2019 г. Президентом Украины в Верховную раду внесен законопроект о введении уголовной ответственности за пребывание лица в статусе «вор в законе» (ч. 2 ст. 255.1 УК Украины)²⁰.

Поскольку Грузия и Украина унаследовали не имеющую мировых аналогов криминальную среду как представители государств постсоветского пространства [19], учет их опыта по противодействию сформировавшейся во времена СССР организации воровского мира может оказаться полезным для России. Законодательному закреплению аналогичной нормы в УК РФ должно сопутствовать принятие федерального закона об организованной преступности, устанавливающего (с учетом положений ч. 1 ст. 14 УК РФ) доказательственные стандарты и разъясняющего используемые в уголовном законе оценочные понятия. Предлагаемые изменения лишат новую норму универсальности, заложенной в действующей статье 210.1 УК РФ, ограничив круг ее действия рамками воровского мира. Однако такая нацеленность повысит практическую применимость уголовно-правового запрета и одновременно минимизирует опасность объективного вменения.

Самостоятельность формы соучастия «преступное сообщество (преступная организация)» вызывает ряд возражений [20, с. 37–39], суть которых сводится к ее производному от смежной формы соучастия («организованная группа») характеру. Кроме того, объем криминализации преступного сообщества (преступной организации) в Особенной части УК РФ значительно шире, чем в Общей его части. Целесообразно снять с преступного сообщества (преступной организации) двойной статус (как разновидности соучастия и одновременно как отдельного состава преступления), исключив ч. 4 из ст. 35 УК РФ. Это позволит устранить несправедливый двойной учет разных форм соучастия и аналогично закона при юридической оценке действий лица как создателя, руководителя или участника преступного сообщества (преступной организации), совершившего в его составе престу-

²⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины об ответственности за преступления, совершенные преступным сообществом : законопроект № 2513 : зарегистрирован 2 дек. 2019 г. // Верховная Рада Украины : офиц. веб-портал. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_2?id=&pf3516=2513&skl=10.

пления, квалифицируемые как совершенные организованной группой (а при отсутствии такого квалифицирующего признака — группой лиц по предварительному сговору или группой лиц). Кроме того, такое решение исключит де-систематизацию УК РФ и создаст надлежащие правовые основания в случае сужения действия ст. 210 УК РФ (что, однако, не должно влечь отступления от принципов справедливости и правового равенства).

Объединение в единый термин понятий «преступное сообщество» и «преступная организация», уравниваемых в их уголовно-правовом значении, загромождает юридическую конструкцию ст. 210 УК РФ и влечет подмену законодательной терминологии (в сторону ее сокращения) в судебных решениях. Нивелирование содержания данных понятий неоправданно и с точки зрения криминологов, подчеркивающих имеющиеся в их юридической природе различия. Если преступная организация являет собой объединение определенных групп, то под преступным сообществом понимается объединение лидеров преступной среды [21, с. 10; 22, с. 8; 23, с. 342]. Учитывая разницу в минимальном численном составе (у преступного сообщества два человека, у структурированной преступной

организации — четыре), круге участников и целях деятельности, логично развести данные понятия по разным составам (как это сделано в УК Республики Казахстан), разместив их нормативные дефиниции в примечаниях. Такие изменения вполне оправданны еще и потому, что законодателем уже сейчас в рамках единой статьи 210 УК РФ фактически криминализована деятельность двух разных объединений. Анализ содержания альтернативных действий в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ приводит к выводу о том, что первые два из них характерны как для преступного сообщества, так и для преступной организации; третье — только для преступной организации; остальные пять — лишь для преступного сообщества.

Представляется, что внесенные предложения в случае их реализации позволят достичь значительных успехов в противодействии организованной преступности на национальном уровне, уменьшить давление криминальной среды на политические и экономические процессы в стране и продемонстрируют активное стремление России к согласованности усилий по предотвращению организованной преступности и контролю над ней с международным сообществом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назаренко Г.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / Г.В. Назаренко // Среднерусский вестник общественных наук. — 2012. — № 3 (24). — С. 156–159.
2. Парог А.И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции / А.И. Парог. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479 // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 470–479.
3. Скобликов П.А. Оптимизация борьбы с организованной преступностью и коррупцией посредством парламентского контроля / П.А. Скобликов // Журнал российского права. — 2015. — № 12. — С. 70–78.
4. Червонная А. Путин обсудил с чиновниками отмену опасных для бизнеса уголовных статей / А. Червонная, С. Бочарова // Ведомости. — 2019. — 25 нояб. — URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/11/25/817079-putin-obsudil-otmenu>.
5. Сергеев С. Борис Титов исключает предпринимателей из преступного сообщества / С. Сергеев // Коммерсантъ. — 2019. — 18 марта. — URL: <http://https://www.kommersant.ru/doc/3915473>.
6. Бурлаков В.Н. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельков. — DOI: 10.17150/25004255.2019.13(3).465-476 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 465–476.
7. Sokolov V. From Guns to Briefcases: The Evolution of Russian Organized Crime / V. Sokolov // World Policy Journal. — 2004. — Vol. 21, № 1. — P. 68–74.
8. Gilinskiy Y. Crime in Contemporary Russia / Y. Gilinskiy. — DOI: 10.1177/1477370806065583 // European Journal of Criminology. — 2006. — Vol. 3, № 3. — P. 259–292.
9. Lavezzi A.M. Economic Structure and Vulnerability to Organised Crime: Evidence from Sicily / A.M. Lavezzi // Global Crime. — 2008. — Vol. 3, № 9. — P. 198–220.
10. Bjelopera J.P. Organized Crime: An Evolving Challenge for U.S. Law Enforcement / J.P. Bjelopera, K.M. Finklea. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41547.pdf>.
11. Яни П.С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью / П.С. Яни // Законность. — 2019. — № 11 (1021). — С. 42–46.
12. Борков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления / В.Н. Борков // Уголовное право. — 2019. — № 4. — С. 11–17.
13. Гладких В.И. Одолеет ли новый закон воров в законе? / В.И. Гладких // Российский следователь. — 2019. — № 5. — С. 52–56.
14. Лихолетов А.А. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения / А.А. Лихолетов, М.У. Михайлов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 2. — С. 32–40.

15. Мондохонов А.Н. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности: комментарий и проблемы применения / А.Н. Мондохонов // Уголовное право. — 2019. — № 3. — С. 53–58.
16. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение / П.А. Скобликов // Законодательство. — 2018. — № 2. — С. 43–49.
17. Момотов В.В. Роль судебной практики в правовой системе: российский опыт в мировом контексте / В.В. Момотов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 5. — С. 40–49.
18. Якушева Т.В. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы толкования и практики / Т.В. Якушева // Уголовное право. — 2018. — № 5. — С. 90–97.
19. Shelley L.I. Post-Soviet Organized Crime: Implications for the Development of the Soviet Successor States and Foreign Countries / L.I. Shelley // Criminal Organizations. — 1994. — Vol. 9, № 1. — P. 14–22.
20. Якушева Т.В. Организация преступного сообщества или участие в нем / Т.В. Якушева ; под ред. В.И. Ларичева. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 184 с.
21. Корчагин А.Г. Организованная преступность и борьба с ней : учеб. пособие / А.Г. Корчагин, В.А. Номоконов, В.И. Шульга. — Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1995. — 107 с.
22. Андрианов А. Преступная организация и преступное сообщество — самостоятельные уголовно-правовые категории / А. Андрианов // Уголовное право. — 2004. — № 1. — С. 7–8.
23. Покаместов А.В. Организаторы преступных формирований и преступной деятельности: криминологические и уголовно-правовые проблемы / А.В. Покаместов // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / ред. А.И. Долгова. — Москва, 2001. — С. 325–346.

REFERENCES

1. Nazarenko G.V. Criminal Law Policy: Trends and Prospects. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*, 2012, no. 3 (24), pp. 156–159. (In Russian).
2. Rarog A.I. Criminal Policy and Criminal Law Ambitions. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 470–479. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479. (In Russian).
3. Skoblikov P.A. Optimization of Fighting Organized Crime and Corruption through Parliamentary Control. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2015, no. 12, pp. 70–78. (In Russian).
4. Chervonnaya A., Bocharova S. Putin discussed with officials the repeal of criminal provisions that are dangerous for business. *Vedomosti*, 2019, November 25. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/11/25/817079-putin-obsudil-otmenu>. (In Russian).
5. Sergeev S. Boris Titov excludes entrepreneurs from the criminal community. *Kommersant*, 2019, March 18. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3915473>. (In Russian).
6. Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. Crime Boss and the Grounds for Liability: Postmodernism in Criminal Law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476. DOI: 10.17150/25004255.2019.13(3).465-476. (In Russian).
7. Sokolov V. From Guns to Briefcases: The Evolution of Russian Organized Crime. *World Policy Journal*, 2004, vol. 21, no. 1, pp. 68–74.
8. Gilinskiy Y. Crime in Contemporary Russia. *European Journal of Criminology*, 2006, vol. 3, no. 3, pp. 259–292. DOI: 10.1177/1477370806065583.
9. Lavezzi A.M. Economic Structure and Vulnerability to Organized Crime: Evidence from Sicily. *Global Crime*, 2008, vol. 3, no. 9, pp. 198–220.
10. Bjelopera J.P., Finklea K.M. *Organized Crime: An Evolving Challenge for U.S. Law Enforcement*. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41547.pdf>.
11. Yani P.S. The Connection of a Crime with Entrepreneurial Activities. *Zakonnost' = Legality*, 2019, no. 1 (1021), pp. 42–46. (In Russian).
12. Borkov V.N. Occupation of the Highest Position in the Criminal Hierarchy: the Beginning, Content and End of Crime. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 4, pp. 11–17. (In Russian).
13. Gladikh V.I. Will the New Law Break the Back of Criminal Lords? *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2019, no. 5, pp. 52–56. (In Russian).
14. Likholetov A.A., Mikhailov M.U. Novelties in the Criminal Code in Part Related to Counteracting the Organized Crime: Problems and Ways of Solution. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2019, no. 2, pp. 32–40. (In Russian).
15. Mondokhonov A.N. The Novelties of Criminal Legislation in the Sphere of Combating Organized Crime: Comments and Problems of Application. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 3, pp. 53–58. (In Russian).
16. Skoblikov P.A. Leader of Criminal Hierarchy: Criminal Law, its Interpretation and Application. *Zakonodatelstvo = Legislation*, 2018, no. 2, pp. 43–49. (In Russian).
17. Momotov V.V. The Role of Judicial Practice in the Legal System: Russian Experience in the World Context. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 5, pp. 40–49. (In Russian).
18. Yakusheva T.V. A Criminal Society (A Criminal Organization): the Issues of Interpretation and Practice. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2018, no. 5, pp. 90–97. (In Russian).
19. Shelley L.I. Post-Soviet Organized Crime: Implications for the Development of the Soviet Successor States and Foreign Countries. *Criminal Organizations*, 1994, vol. 9, no. 1, pp. 14–22.
20. Yakusheva T.V.; Larichev V.I. (ed.). *Organizatsiya prestupnogo soobshchestva ili uchastie v nem* [Organizing an Criminal Society or Participation in it]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2019. 184 p.

21. Korchagin A.G., Nomokonov V.A., Shulga V.I. *Organizovannaya prestupnost' i bor'ba s nei* [Organized Crime and the Fight against it]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 1995. 107 p.

22. Andrianov A. Criminal Organization and Criminal Community — Independent Criminal Law Categories. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2004, no. 1, pp. 7–8. (In Russian).

23. Pokamestov A.V. Organized Crime Groups and Criminal Activities: Criminological and Criminal Legal Problems. In Dolgova A.I. (ed.). *Zakonomernosti prestupnosti, strategiya bor'by i zakon* [Patterns of Crime, Fighting Strategy, and the Law]. Moscow, 2001, pp. 325–346. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якушева Татьяна Викторовна — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, г. Хабаровск, Российская Федерация; e-mail: yakusheva77@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yakusheva, Tatyana V. — Senior Lecturer, Chair of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Khabarovsk, the Russian Federation; e-mail: yakusheva77@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Якушева Т.В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений / Т.В. Якушева. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).723-734 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 5. — С. 723–734.

FOR CITATION

Yakusheva T.V. Counteracting criminal communities (criminal organizations) and leaders of the criminal world: destructive trends, a search for new legislative solutions. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 723–734. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).723-734. (In Russian).